

Исповедь

великой

Каллас

КОГДА она внезапно появляется среди публики — в белом манто, наброшенном на изящный строгий костюм, — и стремительной, нервной походкой идет через весь зал к сцене, внимание привлекает одна деталь: в руках у актрисы вместо соотвествовавшей бы ее наряду вечерней сумочки — магнитофон. Сразу возникает вопрос: зачем он, уж не задумал ли режиссер, дабы оживить тень божественной Каллас, обрушить на зрителя поток знаменитых арий в ее исполнении?

К счастью, с первых же минут спектакля, который идет на сцене Муниципального театра Лозанны, от этих опасений не остается следа. Перед нами отнюдь не традиционный «вечер памяти», где чередуются сцены из жизни и музыкальные номера-вставки, а подлинное драматургическое произведение, задуманное и исполненное как исповедь великой певицы.

Кем задуманное и почему? Актриса Элизабет Макокке однажды, три года тому назад, прочла книгу о Марии Каллас — одну из многих, которые ей были посвящены. Судьба певицы настолько ее потрясла, что она стала изучать все, что о ней написано, отыскивать интервью, которые та давала журналистам, расспрашивать близко знавших ее людей. Ей хотелось постичь сложную личность, разгадать секрет ее магии. В результате родилась эта пьеса-монолог от первого лица, написать которую помог актрисе драматург Жан-Ив Пик.

Итак, Мария Каллас в ней не поет, а говорит. Вспоминает — с оттенком насмешки над собой — о наивной девушке-идеалистке, какой она была, когда нагрянула вдруг слава и стала «давить», мешая вести себя, как все остальные девушки на свете». И в эти мгновения перед зрителем действительно возникает молодая, неискушенная артистка, доверчиво делящаяся с газетчиками «маленькими тайнами». Но по мере того как разматывается клубок воспоминаний, наивность уступает место глубине и зрелости раздумий — о профессии, о музыке, о судьбе тех, кто «с детства принесен в жертву искусству»... Все отчетливее проступает образ человека, который не представлял себе иного существования, чем в беззаветном служении сцене, и которого непрестанно преследовал страх «оказаться не на высоте»...

Главная причина необыкновенной удачи этого моноспектакля состоит в постепенном, почти незаметном переходе от милых, легких откровений к трагедии — трагедии застенчивой от природы женщины, «обреченной» на роль «звезды», трагедии таланта, которому неизлечимая болезнь не дает выразить себя... Подходит время для самого страшного воспоминания: о том вечере, когда шла «Норма» и когда вдруг голос больной певицы сорвался, исчез! А зал все равно требовал допеть до конца, не понимая, что конец уже наступил...

И вот тогда Каллас Макокке (на снимке) накидывает на себя искрящийся костюм Нормы и... включает магнитофон. Звучит ария из оперы в исполнении великой певицы. А прекрасная драматическая актриса, замерев, слушает ее — вместе с взволнованной публикой.

«Эбдо», Женева.

1988
5
ПОЖЕЖИМ